

Железнодорожный мост, снимок с левого берега, 1935 год.

БИТВА ЗА МОСТ

Иногда один-единственный факт, цепляющийся «за живое», вызывает цепную реакцию интереса к предмету, который, кажется, давным-давно изучен и не таит в себе загадок. Сколько себя помню, столько помню и железнодорожный мост, чей абрис хорошо виден от калитки отчего дома на фоне Увека. Каждый житель Приволжского посёлка (южная окраина города Энгельса) знает, что в войну мост тщетно пытались разбомбить немцы: охрана этого стратегического объекта была организована столь безукоризненно, что фашистские самолёты не смогли даже приблизиться к нему.

К началу войны мост был, по меркам сопромата, «новорождённым»: в конце марта 1935 года мост был готов принять первый поезд, и вести испытания прочности моста доверили лучшему машинисту – Ивану Ивановичу Галкину (в 1950-х годах ему присвоили звание Героя Социалистического Труда). Строили мост пять лет, затратив немало средств и сил. К примеру, при монтаже стальных ферм в люльке над волнами на высоте двадцати метров висели двое рабочих: один вставлял заклёпку, другой кувалдой округлял головку. А заклёпок – тысячи и тысячи! Однажды из-за тех заклёпок произошла беда: рухнул в воду пролёт моста, погибло более ста человек. Обвинили проектировщиков. Один из них, Феодосий Петрович Недорезов, исписал все стены камеры формулами в поисках истинных причин аварии. Ему удалось доказать следователям, что виноваты поставщики: заклёпки были не из той марки стали, более мягкой, чем требовалось по проекту. После войны профессор Недорезов преподавал сопромат студентам Саратовского института механизации сельского хозяйства, у него учился Иван Андреевич Акимов – очевидец битвы за мост.

В памятном 1941 году ему шёл двенадцатый год. Спрашиваю у него, правда ли, что на старом кладбище возле села Анисовка стояли зенитки. Стояли, отвечает Иван Андреевич, только не на кладбище, а вот здесь – графитный стержень карандаша оставляет схему размещения зенитных батарей, защищавших мост с левого берега Волги: «Одна батарея – слева от станции Сазанка, другая – справа; ещё зенитки стояли за мясокомбинатом, неподалёку от Дальних барakov. На крыше мясокомби-

ната установили зенитные пулемёты. А та батарея, о которой ты говоришь, размещалась не на кладбище, а примерно там, где сейчас дом Королёвых».

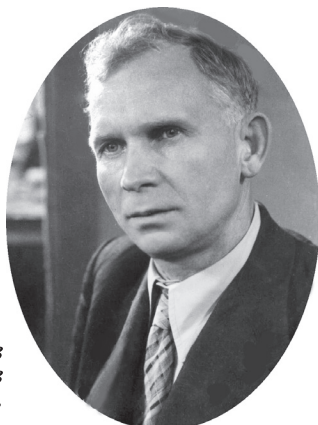
Королёв – мой сосед! И если учесть, что батарея – это четыре зенитки, то на шести сотках они не поместятся. Значит, в 1942 году здесь, где сейчас раскинула ветви старая яблоня, посаженная отцом сорок лет назад, звучали команды: «Прицел ноль-ноль-пять! Осколочными – огонь!» (именно этот факт по-иному заставил меня взглянуть на ту битву за мост, которая длилась два лета и одну зиму вдалеке от линии фронта).

«Да, я помню эти команды, – подтверждает мои догадки Иван Андреевич. – В соседнем бараке жил майор, командир той батареи, и его зычный голос долетал до нашего барака».

Иван Андреевич мечтает издать книгу воспоминаний о Приволжском посёлке. И не только мечтает: набросал свои воспоминания, в том числе и о военных годах. Вот один запавший в его память эпизод: «Обычно немцы прилетали в 22 часа с немецкой педантичностью. Но один раз было какое-то исключение, они прилетели где-то часов в 18-ть. Началась стрельба зениток. Мы, жители 16-го барака, стояли в коридоре, торцом выходящем к соседнему барaku. Около того барака стояла девушка лет 17-18, тоже эвакуированная. Ей женщины кричат: «Уйди оттуда под навес!» Она стоит. И только она отошла, на это место шлёпнулся большой осколок от снаряда. Осколков было очень много. Обычно мы лезли гонять голубей и видели, что рубероидная крыша истыкана осколками. Стрельба зениток обычно начиналась с Анисовского моста, где стояли зенитки. Были слышны команды на батарее. Как правило, самолёт попадал в перекрестье прожекторов. После выстрела виднелась вспышка, где-то рядом с самолётом. Ну, думаешь, попал! Дудки, он летит, и так уходит куда-то вниз к фабрике Самойлова, и прожектора его уже теряют».

«Нет, немцы прилетали всегда в полночь по московскому времени, по-нашему – в час ночи, – уточняет Константин Алексеевич Малышев, чьё детство пришлось также на годы войны. Жил он на Почтовке – так называется посёлок между мясокомбинатом и Квасниковкой,

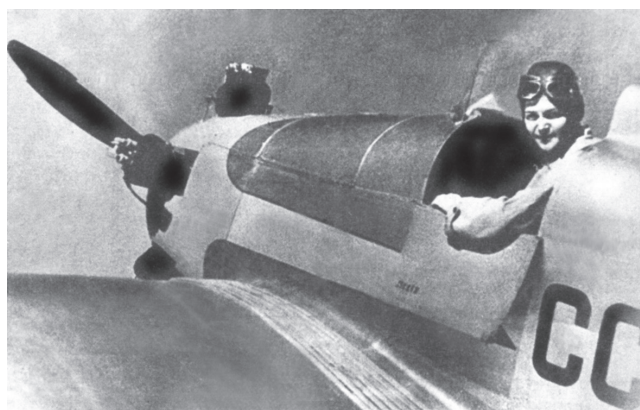

Ф.П. Недорезов
– один из проектировщиков
железнодорожного моста.

– рядом с его домом зенитчики (батарея прибыла летом 1942 года из Ростова-на-Дону) выкопали землянки, мальчишкам удалось побывать в гостях у бойцов. Запомнили ровные глиняные стены, раскрашенные в разные цвета; куртка на лисьем меху у капитана, командира батареи. За околицей, в овсяном поле, обучали девчат-зенитчиц метать гранаты. «Мы штук пятнадцать нашли неразорвавшихся, – вспоминает Константин Алексеевич, а на моё предположение, мол, наверное, о находке сообщили сапёрам, возражает: «Какой там! Сами взорвали на берегу Волги».

Хотя взрослые при объявлении воздушной тревоги (первыми начинали гудеть паровозы, предупреждая о предстоящем налёте) не разрешали выходить на улицу ребятам, но разве усидишь дома, когда наши зенитки бьют по фашистам, а лётчики устремляются навстречу врагу? В ночь на 24 сентября 1942 года Костя Малышев стал свидетелем победоносного сражения лётчицы Валерии Хомяковой: «Если смотреть от Почтовки, то немца она настигла над Приволжским посёлком, за башней мясокомбината, – показывает на местности Константин Алексеевич. – Бомбардировщик загорелся и, перелетев через Волгу, упал на правом берегу, в районе фабрики имени Самойлова». «И я видел, как наша лётчица Хомякова сбила вражеский самолёт, – вторит Малышеву его сосед Евгений Иванович Сушинкин, – очевидец и участник тех событий (в 1942 году он, студент авиационного техникума, работал на авиазаводе, выпускал истребители Як-1 и Як-3). – Немецкий самолёт вначале поймали лучами прожектористы и долго удерживали. Зенитки замолчали. Нам самолёт Хомяковой не был виден, но хорошо были видны следы трассирующих пуль. Немецкий самолёт задымился и упал на берег Волги в полутора-двух километрах ниже железнодорожного моста».

Аэродром, с которого взлетела Хомякова, располагался за станцией Анисовкой. (Иван Андреевич Акимов вспоминает, как зимой 1942/43 годов после сильного снегопада их шестой класс во главе с учительницей пришёл на помощь в расчистке взлётной полосы). 26 сентября в письме к родителям Валерия Дмитриевна Хомякова, лётчик-истребитель 586 истребительного авиационного полка, делилась радостью победы: «Я сбила Ю-88 но-

В.Д. Хомякова в кабине своего самолёта, 1939 год.

чью. Первый над Саратовом, первый в нашей дивизии и первая среди девушек. Вскоре после приезда я вылетела ночью самостоятельно и 24-го в 10 часов 05 минут вечера несколькими очередями одержала победу. Как говорят наблюдатели с земли, убила лётчика с первой очереди, и потом машина пошла в пике, и я ещё стреляла. Ю-88 шёл ещё на задание и взорвался на земле на собственных бомбах. Он был в лучах прожектора, а я нет, и он меня мог обнаружить только по моей трассе, но я меняла направление. Он стрелял два раза по мне, но не попал. Сажусь, подбегает мой механик – Полунина – и целует: «Душечка, Вы Хенкеля сбили!» Все обступили меня, а мне не верится. Но все подтверждают, что это так. Поверила я только тогда, когда мы слетали с командиром дивизии, и эта картина до сих пор стоит в глазах. Все четыре человека убиты и лежат в разных позах, парашюты около них распушены, но не раскрыты. Самолёт такая махина (весь цельнометаллический) раскидан на куски, несколько не взорвавшихся бомб. В общем, впечатление огромное. И вот тогда я поверила. Прилетели мы, забрали три парашюта (будем теперь шёлковое бельё шить)...» К сожалению, Валерии не удалось поносить обновку из трофейного шёлка: в октябре того же 1942 года она погибла – на взлёте заглох мотор...

Впервые выстрелы зениток жители Увека и Приволжского посёлка услышали в марте 1942 года. Как только объявлялась воздушная тревога (зенитчики узнавали о том от прожектористов: три луча прожекторов, скрещённые в одной точке), орудия открывали заградительный огонь. У каждой батареи – свой квадрат обстрела, заградительный огонь был столь плотным, что приближение к мосту грозило лётчику неминуемой гибелью. Летом 1942 года, когда фронт приблизился к Сталинграду, налёты стали особенно массивными: немцы во что бы то ни стало стремились разрушить транспортную артерию, по которой подвозились резервы к Сталинграду. И однажды им это удалось. Нет, мост не пострадал, но бомба, попавшая в резервуар с нефтью, вызвала грандиозный пожар (полнеба затянуло чёрным дымом, стало темно, как ночью), стекавшая в Волгу лава расплавила рельсы. Ещё не утих пожар, как путейцы приступили к ликвидации последствий бомбёжки, и к вечеру через мост к Сталин-

Зенитчицы – защитницы Саратова – после вручения правительственных наград, июнь 1943 года.

Рисунок А.Н. Чечнева «Зенитчицы на Соколовой горе», 1942 год.

граду вновь пошли эшелоны с оружием и снарядами. Во время пожара едва не взорвался броневagon со снарядами, его в последний момент успел вывезти на безопасное расстояние машинист паровоза, оказавшийся на станции Правый берег.

Тот вагон следовал за бронепоездом: с началом Сталинградской битвы вдобавок к зенитным батареям оборудовали бронепоезд (он состоял из бронированного паровоза и двух броневagonов), оснатив каждый вагон двумя 75-миллиметровыми пушками и пулемётами. «Хотя по тревоге бронепоезд и выходил к мосту, толку от него никакого не было, – замечает Евгений Иванович Сушинкин. – Тогда к бронепоезду спереди и сзади прицепили по одной открытой платформе, на них установили 37-миллиметровые скорострельные зенитки. Наверху моста установили также пулемёты». Евгений Иванович утверждает, что над мостом не то что немецкие – даже наши самолёты не могли пролетать: «Однажды днём я был очевидцем, как зенитная батарея обстреляла наш «Дуглас» (Ли-2), подлетавший к мосту. Снаряды разорвались по курсу самолёта, и он, покачав крыльями, резко повернул вправо, в обход моста. На вопрос, почему вы стреляете, это же наш самолёт, зенитчики ответили, что у них приказ открывать огонь по любому самолёту, приближающемуся к мосту».

Единственно, чему позволялось парить над мостом – аэростатам. Об этой странице обороны моста мне рас-

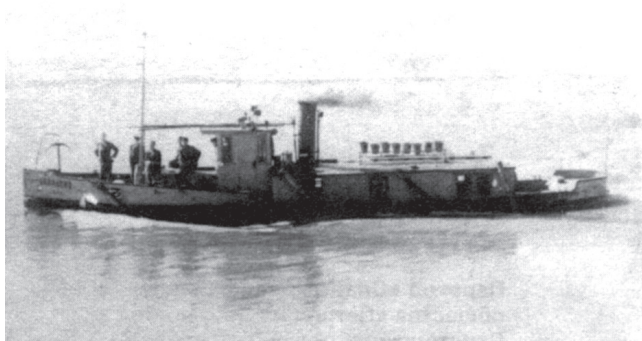

С.К. Орлянский

сказывала Вера Фёдоровна, жена Евгения Ивановича Сушинкина. В 1942 году Вера Гончарова, комсорг отдельного дивизиона аэростатов воздушного заграждения (40 ДАЗ), вместе с подругами по дивизиону прибыла в Саратов из Воронежа, где аэростатчицы получили боевое крещение. Дивизион разместил аэростатные посты вокруг «Комбайна», «шарика» и на Увеке, вблизи моста. Десятки аэростатов величиной с железнодорожную цистерну с подвешенными минами поднимались на высоту три-четыре километра и не давали самолётам противника прицельно метать бомбы, а попасть в мост с высоты более четырёх километров было практически невозможно. Служба у аэростатчиц была тяжёлой: каждую ночь поднимали аэростаты, а утром опускали; днём копали капониры – огромные ямы с насыпью, защищавшие аэростаты от ветра. Через весь город пешком тянули за собой на верёвках «колбаски» (газгольдеры) – их заполняли водородом в районе Сенного рынка. Вера Фёдоровна боевой путь закончила в Румынии, награждена медалью «За боевые заслуги», орденом Отечественной войны, но особенно дорожила памятной медалью «Защитнику Саратовского неба».

Саратовское небо над мостом защищали не только лётчики, зенитчики, аэростатчицы, железнодорожники, но и речники. Чтобы ночью видеть цель – мост, – немцы развешивали над ним столь яркие осветительные ракеты, что всё становилось видно, как днём. На хитрость врага защитники моста ответили своей: на судах зажигали дымовые шашки, и плотная завеса дыма укрывала Волгу от взоров лётчиков. В туманные дни, когда видимость резко ухудшалась, немцы при бомбёжках ориентировались на сигнальные ракеты, выпущенные с земли диверсантами. Владимир Борисович Казаков, саратовский писатель-документалист, в 1942 году служил курсантом в Саратовской военной авиационно-планерной школе (располагалась на территории аэропорта) и неоднократно принимал участие в задержании пособников фашистов. В книге «Саратов – город прифронтовой» В.Б. Казаков так рассказывал об одной из засад возле крекинг-завода: «Вторая волна немецких бомбардировщиков вышла на город с точностью до минуты. А немного позже корпуса завода,

Баркас «Балаково».

Ксения Провоторова (слева), связистка, и Ева Мартченко, санинструктор 2 отряда 40-го дивизиона аэро-статного заграждения, Саратов, 1943 год, Увек.

бензобаки, подъездные пути осветились ракетами, выпущенными с земли. Туман смазывал очертания зданий, цистерны расплывались в нём густыми пятнами. Вывел трель командирский свисток. Курсанты поднялись из засад, с карабинами наперевес двинулись вперёд, сужая огромное кольцо. В сторону моста метнулась ракета, слышались выстрелы. Ракета брызнула звёздочками и, будто пойманная чьей-то рукой, мгновенно затухла. (...) Ни одного ракетчика мы, курсанты, не задержали, хотя выловлено их было в эту ночь четверо. Оказывается, в хорошо спланированной операции наше подразделение представляло лишь небольшую часть второго заслона».

Степан Константинович Орлянский, капитан баркаса «Балаково», получил от военкомата «бронь» и со всей командой был приписан «на обслуживание» моста. Дежурили сутками, лишь на несколько часов возвращаясь домой для короткого отдыха.

Бойцы-матросы не только ставили дымовые завесы, стреляли по вражеским самолётам, но и ликвидировали последствия тех налётов: немцы бросали магнитные мины в Волгу. После отбоя воздушной тревоги речники тралили ходовые пролёты под мостом и фарватер Волги. Баркас с деревянным корпусом на длинном буксире тянул за собой железобетонную баржу, гружённую железным ломом. Железо притягивало магнитные мины, и баржа принимала удары взрывов на себя.

«По Волге рядом с постами бакенщиков стояли противоминные посты, в землянках дежурили два матроса, – вспоминает Е.И. Сушкин, – всё время наблюдая за рекой, и как только замечали, что самолёт сбросил мины, переворачивали бакен вверх ногами, это означало: участок заминирован, требуется тральщик».

Адмирал флота Юрий Александрович Пантелеев, с весны 1943 года командовавший Волжской флотилией, в книге «Полвека на флоте» вспоминал о навигации 1943 года: «В июле мы вытравили более двухсот мин, но ещё более трёхсот оставалось. Размагничивание кораблей на специальной станции в Саратове, к сожалению, не давало полной гарантии и были случаи подрыва боевых кораблей. Тяжёлое впечатление произвела гибель небольшого тральщика. От корабля и следа не осталось. Мина

лежала на мелком месте, и, судя по всему, тральщик прошёл над ней. До начала зимы мы уничтожили 751 мину. По реке прошло 8 тысяч судов! Они перевезли 8 млн тонн нефтепродуктов».

Подлетая к району бомбардировки моста, немецкие лётчики ориентировались на высокую башню (59 метров) мясокомбината. Если бы они знали, что в корпусах мясокомбината выпускают не только колбасу, но и приборы для самолётов, то они наверняка бы сбросили смертоносный груз на цеха эвакуированного из Москвы приборостроительного завода. Но только одна небольшая бомба, видимо, случайно, упала в окрестностях Приволжского посёлка (там сейчас автозаправка у поворота на Зелёный посёлок), не причинив никому вреда.

В те годы локаторы были большой редкостью, но и без этих электронных глаз наши лётчики и зенитчики загодя предупреждались о приближении врага. 5 января 1942 года из Запорожья в Саратов прибыл штаб 17-го Отдельного батальона воздушного наблюдения, оповещения и связи Саратовско-Балашовского диврайона ПВО, его главный пост располагался в землянке на высотке вблизи Агафоновки. Антонина Григорьевна Худзик, в 1942-1943 годах красноармеец этого батальона, уже после войны, собирая материал о своих боевых подругах (в батальоне служили в основном девушки), узнала, что ни один самолёт противника не прошёл незамеченным. «Потому что наши наблюдательные посты рассредотачивались по всему Правобережью Саратовской области, – рассказывала Антонина Григорьевна, – в форме кольцевых и радиальных полос на расстоянии 10-12 километров друг от друга, из-за чего один и тот же самолёт просматривался и прослушивался почти одновременно минимум двумя нашими наблюдательными постами». Их научили распознавать по силуэтам и по шуму мотора десятки самолётов (вражеских и своих), научили быть «глазами и ушами» противовоздушной обороны, благодаря чему за 20-30 минут до появления над Саратовом самолётов противника наше командование знало, сколько машин и с какой стороны приближаются к городу.

Пётр Андреевич Полусмак, муж моей двоюродной бабушки, прошёл в пехоте от Сталинграда до Берлина.

Стальной проспект над Волгой не отдыхает ни днём, ни ночью. Фотография лета 2011 года

«В Сталинграде наших самолётов было мало, – вспоминал он, – это уж когда погнали немцев от Волги – стало побольше, а потом и вовсе авиация наша стала преобладать». Это – на фронте, что уж говорить о тыле, пусть и ближайшем к линии боевых действий. Поэтому понятно, почему Саратов многократно подвергался налётам. И тем не менее в небе Саратовского Поволжья в 1942 году было сбито четыре вражеских самолёта, а в 1943 году зенитчики и лётчики уничтожили шестнадцать фашистских самолётов. Журнал «Войска ПВО страны» обнародовал такие данные: «Состав Саратовско-Балашовского диврайона и 144-й истребительной авиадивизии, прикрывавших с воздуха Саратовское Поволжье, насчитывали 41 боевой экипаж истребительной авиации, для ночных действий было подготовлено 23 экипажа истребителей; зенитных орудий среднего калибра имелось 192, зенитных орудий малого калибра 72, пулемётов 90, станций орудийной наводки 4, зенитных прожекторов 98, аэростатов заграждения 48».

Последний самолёт над Саратовом (Ю-88) сбил 27 июня 1943 года гвардии майор В.А. Шапочка, командир 495-го истребительного авиаполка ПВО, базировавшегося в Энгельском районе. По завершении Курской битвы немцы уже не могли доставать Саратов, война

откатилась на запад, вместе с ней переместились к линии фронта и славные защитники саратовского неба – лётчики, зенитчики, аэростатчицы, бойцы воздушного наблюдения (и только бронепоезд курсировал в районе железнодорожного моста до самого Дня Победы), распевая «Песню о Саратове», сочинённую связистом 242 отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона резерва главного командования Юрием Николаевичем Озерским:

Я тоску разбросал по конвертам
И в землянке скучаю один
По твоим площадям и проспектам
И по гулу гудков и машин.
Но когда языком автоматов
Мы Берлин усмирим за разбой,
Мой любимый далёкий Саратов,
Мы увидимся снова с тобой.

Тысячи бойцов, наших земляков и соотечественников из других областей и республик Советского Союза, участвовали в битве за железнодорожный мост, не позволив фашистам уничтожить этот стратегический объект, и поныне, на 77 году своей жизни, служащий людям.

Владимир ВАРДУГИН